

М.Н.Просекова
**ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ КРИТИКА
ПОЗИТИВИСТСКОЙ МОДЕЛИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ**

В 90-е годы в американской антропологии широко распространилось убеждение, что позитивизм, положенный в ее фундамент, лишился актуальности и не имеет больше оснований. Постмодернистская критика позитивистских оснований культурантропологии концентрируется на отвержении принципов просветительского проекта научного познания. Основным пунктом, вокруг которого образовались интерпретативизм, деструктивизм и собственно постмодернизм, является вывод о том, что методы естественных наук не применимы к исследованию культуры и общества. В течение последних лет в американской социально-культурной антропологии происходило длительное разрушение представления о позитивизме. Общую атмосферу, характеризующую отношение антропологов к позитивизму, выражают, в частности, Клиффорд Гиртц, рассматривающий концепцию «вульгарного позитивизма»¹, Роберт Мэрфи, рассуждающий о «простом позитивистском предубеждении»², Ладислав Хоули, сетующий на «труднопреодолимый позитивистский подход»³.

Со своей стороны позитивисты, критикуя культурно-историческую модель познания, характерную для просветительской эпохи, обнаружили и доказали герменевтическую природу естественно-научного метода, что сделало науку в целом неотделимой от антропологической интерпретации.

В англо-американской социально-культурной антропологии позитивизм перенес такую же судьбу, как в философии и социологии: он использовался так широко и неопределенно как оружие критических нападок, что потерял любые притязания на приемлемое и стандартное определение⁴. По существу, он рассыпался на совокупность описательностей, методики «и – или», основанных на традиционных обычаях наставлений о методе и предмете в естественных науках, что, по всеобщему признанию, стало главной тенденцией в социальных и естественных науках и свойственно даже модернизму.

Позитивистская модель научного познания иногда именуется «правильной» моделью естественных наук и представляет собой набор философских и эпистемологических концепций относительно природы Вселенной, места в ней человека и специального (научного) смысла, посредством которого может быть генерировано «объективное» или «истинное» знание. Позитивистская модель подразумевает предикативность экзистенции объективной реальности, независимой от человеческих интерпретаций; настаивает на способности человека к ощущениям посредством органов чувств, когнитивно и лингвистически опосредующих аспекты этой реальности; стремится создать «действительно внеличностную и

¹ Geertz C. The Interpretation of Cultures. Basic Books. — New York, 1973.

² Murphy R. Dialectics of Social Life: Alarms and Excursions in Anthropological Theory. Basic Books. — New York, 1971.

³ Holy L. Interpretation: Descriptions, Generalization and Comparison: Two Paradigms / Comparative Anthropology. Oxford: Basic Blackwell, 1987.

⁴ Giddens A. Introduction / Positivism and Sociology. Heinemann. — London, 1974.

объективную» когнитивную репрезентацию («ментальную картину») реальности. Такие попытки предпринимались Ж.Д.Берреманом, П.Дайнером и Э.Робкин в 70-х годах; Р.Ф.Элленом, Д.Феттерманом, Дж.Пикоком, Б.Мак Грейном, М.Хаммерслеем и П.Аткинсом в 80-х, П.Фрейдериком, Дж.Самюзлом, Э.Шульц и Р.Лавендой в 90-х.

При тщательном рассмотрении позитивистская модель познания характеризуется некоторыми неточностями. Нигде нет указаний на то, является ли позитивизм описательным или предписывающим методом, или тем и другим одновременно. Некоторые авторы представляют его как модель научной практики, неясно, как предполагается осуществлять постижение результатов этой практики – есть ли она воплощение авторитетно установленной истины, которая лишь дополняется деталями, но которая не есть предмет, фундаментально повторяемый? Конституирует ли «истину» тот состав знания, который составляет его сейчас? Каково «тело знания» – кумулятивно оно или прогрессивно? Есть ли знание – некоторый сорт «универсальных» или «определяющих» законов или обобщений относительно реальности?

В англо-американской антропологии позитивизм распространился практически во всех отраслях, особенно широко выразившись в культурном материализме, компаративистской антропологии и самостоятельной «научной» антропологии. При этом очевидны такие тенденции. Во-первых, позитивизм отождествляется с методологическим натурализмом, или «методологическим единством», поскольку позитивисты считают только научный метод единственным средством производства «объективного знания». Они защищают легитимность его применения ко всем формам материального мира и призывают к замене им всех остальных смыслов познания. Всеобщим знанием становится в этом случае погоня за разработками о приложении научного метода – «редукция эпистемологии к методологии» (Ю.Хабермас, С.Юлин). Социальный мир есть часть природного мира, и, следовательно, методы естественных наук могут и должны быть приложены к его познанию.

Во-вторых, антропология опасается отождествления «позитивизма» и «науки»⁵. Позитивизм отождествляется с философией, а практику естественных и социальных наук сопровождают термины «модель», «парадигма», «мировоззрение», «ортодоксия», «доктрина», «вера». Модели же позитивизма привносятся в антропологию извне и предопределяют в ней герменевтический поворот, постмодернистский рефлексиионизм и текстуальный репрезентативизм. Научный метод характеризуется через такие процедуры, как индукция, верификация, фальсификация и т.д. Однако как программное утверждение позитивистская философия не способна установить порядок в собственной терминологии, выработать критерии, отличающие ее в общей системе знания.

Единственный феномен социальной жизни, «наблюдаемый» в позитивистском смысле, есть опыт человеческого поведения и отношения, складывающегося в системе «личность – личность», «личность – общество». При изучении соци-

⁵ Tyler S. Post- Modern Ethnography: From Document of the Occult to Occult Document / Writing Culture: the Poetics and Politics of ethnografy. Berkeley. Univ. of Ca. Press. 1986. — P. 122.

ального мира антропология стремится заменить методы естественных наук герменевтическим или интерпретативным методами, тем самым стремясь занять место «теории когнитивной способности» (Л.Хули, Р.Эллен). Позиция исследователя в антропологии является влияющей не только на интерпретацию наблюдаемых фактов, но и на поведение исследуемых личностей и сообщества, что побуждает американских антропологов защищать «методологию диалектического диалога» и «диалектического взаимодействия между исследователем и его субъектами и предметом» (П.Дайнер и Э.Робкин), ибо социальный мир не есть реально объективный мир, внешний человеку в том же смысле, как и любые другие объективно существующие предметы реальности.

Р.Рорти доказывает, что «интерпретация человечества, как противопоставленного природному миру, начинается с постулирования того, что человеческую экзистенцию конституирует сеть значений. Однако любое дерево в лесу – феномен сугубо природный, будет источником тепла, если человек нуждается в тепле, либо предметом эстетического наслаждения, если человек намерен полюбоваться природой, либо обретает любое иное утилитарное значение – в зависимости от человеческого к нему отношения. Абсолютно все конституировано сетью значений. Способность человека создавать символы и придавать событиям и предметам символическое значение выдвигается Л.А.Уайтом на место ведущей характеристики сущности. Сознание никогда не копирует просто физические или социальные факты, оно, скорее, связано с их конституированием в некотором комплексе и, следовательно, лингвистически опосредует социокультурный познавательный процесс.

С.В.Палымова

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КРИТЕРИЕВ НАУЧНОСТИ

Изменение критериев научности – закономерный, объективный, непрерывно протекающий процесс. Изменениям подвержены не только фактологическое содержание науки, но и критерии научности, типы рациональности. Это верно, на наш взгляд, как для какой-либо конкретной науки, так и для науки, рассматриваемой как совокупность естественных наук.

В любой конкретной науке всегда можно найти идеи, утверждения, даже теории, которые бы не вписывались в актуальный критерий научности, а потому считались либо парадоксами, либо безумными, либо ненаучными и соответственно либо замалчивались, либо существовали на правах курьеза, либо вызывали активное неприятие и стремление уничтожить их.

К XVII веку аристотелевская система знаний, преобразованная и приспособленная христианами ортодоксами, представляла собой совершенную, хорошо организованную, целостную систему, которая могла без ущерба для себя впитать различные гипотезы, даже теории. Для этого следовало обратиться к текстам апологетов, содержащим все возможные знания, и найти в них подходящие мнения, цитаты. Схоластическая иерархия ценностей пренебрегала новым знанием, тем более знанием, полученным эмпирическим путем. Знания и открытия, полученные «презренными эмпириками», не существовали для официальной науки.

© С.В.Палымова, 1998